

также статью: Маркович В. М. «Повести Белкина» и литературный контекст//Пушкин. Исследов. и материалы. Л., 1989. Т. 13. С. 67—87.

¹ Пушкин. Т. 14. С. 133.

² Там же. Т. 11. С. 34.

³ Там же. Т. 11. С. 178.

⁴ Там же. Т. 12. С. 160.

⁵ Там же. Т. 12. С. 157.

⁶ Там же. Т. 8. С. 50.

⁷ Там же. Т. 11. С. 42.

Кто был пушкинский «друг стихотворец»!

1

В № 13 московского журнала «Вестник Европы» за 1814 год было напечатано послание «К другу стихотворцу», подписанное «Александр Н. к. ш. п.».

Послание было первым выступлением в печати Александра Пушкина, и по сей день остается одним из самых ранних известных нам его стихотворений. Оно было получено в редакции, видимо, в начале апреля 1814 года; 18 апреля издатель журнала В. В. Измайлов напечатал следующее объявление: «Просим сочинителя присланной в «Вестник Европы» пьесы под названием «К другу стихотворцу», как и всех других сочинителей, объявить нам свое имя, ибо мы поставили себе законом: не печатать тех сочинений, которых авторы не сообщили нам своего имени и адреса. Но смеем уверить, что мы не употребим во зло право издателя и не откроем тайны имени, когда автору угодно скрыть его от публики»¹. Итак, «пьеса» была написана не позднее марта; почерк дошедшего до нас автографа также позволяет отнести стихотворение к январю — марту 1814 года.

Четырнадцатилетний поэт обращался к некоему «другу», названному им условным литературным именем «Арист». Друг избрал для себя литературное поприще, и автор послания живописует опасности, подстерегающие его на этом пути. Пусть Арист страшится пополнить собою ряды «бессмысленных певцов», обреченных на забвение. Юный Пушкин называет этих «певцов», чьи творения «гниют» нераспроданные в книжной лавке Глазунова: «Рифматов», «Графов», «Бибрус» (Ширинский-Шихматов, Хвостов, Бобров), — члены или, как

С. С. Бобров, предшественники «Беседы любителей русского слова», «архаисты», с которыми ведут борьбу его, Пушкина, литературные учителя — Жуковский, Вяземский, Дашков, дядюшка Василий Львович. Если «Арист» бесталанен, он может войти в когорту «отверженных Фебом»; но если талантлив, его ждут труды, горести и бедность, погубившие Камозанса, Жана Батиста Руссо, Ермила Кострова. Итак, лучше наслаждаться мирной безвестностью.

Лукавая ирония пронизывает эти благоразумные советы, исходящие от юного поэта, который уже бесповоротно определил свой собственный путь. И Пушкин рассказывает «Аристу» притчу о деревенском священнике, призывавшем мирян к трезвости; нарушив однажды обет воздержания, он сказал недоумевающим прихожанам, чтобы они не подражали ему, а жили по словам его проповеди.

К кому же была обращена поэтическая проповедь Пушкина?

Этот вопрос занимал уже первых комментаторов стихотворения и остается дискуссионным по сей день.

2

Совершенно естественно, что «друга стихотворца» искали среди лицейских поэтов. Кандидатами на роль «Ариста» могли быть Дельвиг, Илличевский, Кюхельбекер.

П. И. Бартнев, первый биограф Пушкина, полагал, что «Арист» — Дельвиг. Он обращал внимание на то, что ода последнего на взятие Парижа была напечатана в «Вестнике Европы» как раз накануне стихотворения Пушкина; послание Пушкина рассматривалось Бартневым как предупреждение другу об «опасностях того поприща, на которое он выступил»². Догадка, впрочем, не была принята; уже Я. К. Грот отверг ее, заметив, что Пушкин «с самого начала высоко ценил талант» Дельвига, — «в рассматриваемом же послании он советует отказаться от стихотворства»³. С Гротом согласился Л. Н. Майков, выдвинувший предположение, что «Арист» — Кюхельбекер, «не имевший поэтического таланта» и служивший в Лицее предметом шуток⁴.

Такая расшифровка получила поддержку, когда Ю. Г. Оксман обратил внимание на список произведений,

предназначенных Пушкиным для первого своего печатного сборника и относящегося к 1816—1817 годам, где значилось послание «Кюхельбекеру», не отождествляемое ни с одним известным нам посланием Пушкина 1813—1816 годов. Поскольку «К другу стихотворцу» в этом перечне отсутствовало, Оксман предположил, что под обозначением «Кюхельбекеру» скрывается именно это стихотворение⁵. Гипотеза эта была принята авторитетными исследователями — М. А. Цявловским и Ю. Н. Тыняновым; возражал против нее Б. В. Томашевский. Он указывал, что в послании есть стихи, содержащие эпиграмматический выпад против Кюхельбекера:

Быть может, и теперь, от шума удалясь
И с глупой музою навек соединясь,
Под сенью мирною Минервиной эгиды
Сокрыт другой отец второй «Телемахиды».

К словам «Минервиной эгиды» сделано примечание: «т. е. в школе».

«Этот выпад, мне кажется, — писал Томашевский, — исключает возможность биографического истолкования произведения. Арист этого послания не может быть тем же самым лицом, которое приводится в пример поэтической бездарности... Реальность адресата в посланиях не обязательна: написал же Жуковский в 1808 г. послание к некогда не существовавшему Филалету. Имя Ариста так же не реально, как не реален тот диалог, в форме которого написано это сатирическое послание». Томашевский обращал внимание на то, что в списке 1816—1817 годов значатся и утраченные ныне произведения; с другой стороны, он не полон: ряд известных нам (в том числе напечатанных) стихотворений сюда не вошел. Послание «Кюхельбекеру» он относил к числу утраченных⁶.

Эти возражения Б. В. Томашевский опубликовал в 1956 году в своей монографии о Пушкине, — однако, по видимому, высказывал их и ранее, еще в середине 1930-х годов, когда готовилось академическое собрание сочинений Пушкина. Сохранился комментарий к первому тому этого собрания, составленный М. А. Цявловским; в нем Цявловский разбирает вопрос об адресате пушкинского послания и явно спорил с Томашевским. «Трудно допустить, — писал он, — чтобы под этим заглавием («Кюхельбекеру». — В. В.) разумелось какое-то не дошедшее до нас стихотворение. С другой стороны,

также трудно допустить, чтобы Пушкин не включил «К другу стихотворцу» в список намечавшихся в сборник посланий. По этим основаниям и можно предполагать, что «Кюхельбекеру» списка и «К другу стихотворцу» одно и то же стихотворение. В качестве возражения на эту гипотезу выдвигается то соображение, что стихи 11—14 заключают эпиграмматический выпад против Кюхельбекера («отец второй «Телемахиды»), но, во-первых, Пушкин мог разуместь и здесь кого-нибудь из своих товарищей и помимо Кюхельбекера, во-вторых, такую неувязку легко допустить в стихотворении начинающего поэта.

Можно думать, что посланию Пушкина предшествовали беседы его с Кюхельбекером о выборе профессии, и что послание является итогом всех этих бесед, заменившим эпиграмматические насмешки над неудачным поэтом рассудительными советами друга-ментора. В стихах:

Арист, поверь ты мне, оставь перо, чернила,
Забудь ручьи, леса, унылые могилы,
В холодных песенках любовью не пылай —

нужно видеть характеристику творчества Кюхельбекера в эти годы. Она находится в полном согласии с другими высказываниями Пушкина о произведениях товарища. В эпиграмме «Вот Виля — он любовью дышит» слова «Влюблен, как Буало» — перифраз стиха «В холодных песенках любовью не пылай». О том же говорят стихи и других эпиграмм:

Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет..
Ямб охладил рифмача, гекзаметры ж он заморозит.
Тошней идилии и холодней, чем ода,
От злости мизантроп, от глупости поэт...

Из лицейских стихотворений Кюхельбекера до сих пор напечатана небольшая часть, но из того, что нам известно, Пушкин в своей характеристике («унылые могилы») мог иметь в виду такие стихотворения, как «Мертвый живому», «Зима» и «Осень»⁷.

В составленной М. А. Цявловским «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» «Арист» уже безусловно раскрывается как «Кюхельбекер»⁸. Между тем сомнения Томашевского сохраняют свою силу и могут быть еще подкреплены, о чем речь пойдет далее; предположение

же Цявловского, что под вторым Третьяковским Пушкин разумел не Кюхельбекера, а кого-то другого, очень мало вероятно.

Б. В. Томашевский предлагал считать «Ариста» условным адресатом, ибо все послание Пушкина принадлежало к числу широко распространенных в начале XIX века посланий-сатир, образцом для которых были сатиры Н. Буало. Адресат таких сатир — всегда лицо типовое и обобщенное, он, если угодно, формален, но совершенно условным бывает редко. Пример с посланием Жуковского «К Филалету» 1808 года в этом смысле показателен: «Филалет» в нем — А. И. Тургенев, а послание обобщает частную ситуацию взаимоотношений. Из двенадцати сатир Буало пять имеют адресата, и все они подлинные; из двенадцати его посланий только одно, десятое, обращено «К своим стихам», все остальные, не исключая и послания XI — «К моему садовнику», — к реальным лицам (Буало даже считает нужным назвать имя садовника — Антуан Рикье). В русской литературе эта традиция сохраняется, и иногда в тексте прямо обыгрываются персональные и профессиональные признаки адресата. «К другу стихотворцу» — очень любопытный в этом отношении текст: в нем просматриваются намеки на лицейский быт, рассчитанные на «свою» аудиторию и отчасти раскрытые, отчасти завуалированные для широкой журнальной публики: вспомним хотя бы эпиграмму на Кюхельбекера с примечанием «т. е. в школе». Самое название «К другу стихотворцу» для лицейств звучало иначе, чем для основной массы читателей «Вестника Европы». Они, по-видимому, подставляли в него конкретное имя, отнюдь не безразличное для понимания текста, — и потому, наряду с журнальным названием «для публики», в сознании автора послания вполне могло существовать и то его «домашнее», подлинное обозначение, под которым оно могло фигурировать в списке посланий, составленном для себя как черновое оглавление предполагаемого сборника.

Другое дело, что название это не может раскрываться как «Кюхельбекеру».

3

В 1972 году Р. Е. Тереховой было опубликовано неизвестное до тех пор «Послание к А. Д. Илличевскому» Дельвига.

Это послание принадлежит к числу наиболее ранних сочинений Дельвига; по бумаге и почерку оно может быть отнесено к 1813—1814 годам. В нем упоминается несколько не дошедших до нас лицейских сочинений 1813—1814 годов: «Изяслав» А. М. Горчакова, «Полорд» С. С. Есакова (о которых мы знаем из письма губернатора А. Н. Иконникова от 2 сентября 1813 года к издателям рукописного лицейского журнала «Юные пловцы»), «Теласко» и «Альманзор» Кюхельбекера (известна эпиграмма на «Теласко», вошедшая в составленный Пушкиным эпиграмматический сборник против Кюхельбекера «Жертва Мому» 1814 года, и ироническая рецензия на «Альманзора», помещенная в первом номере рукописного «Лицейского мудреца» за 1815 год)⁹. Намеком упоминается еще несколько произведений, не поддающихся точной идентификации. В пользу ранней датировки, как замечал публикатор, «говорит также адресат послания, А. Д. Илличевский, вначале первенствовавший в лице в поэзии; признание автора в трудности сочинения стихов, его несложная эстетическая программа (ср. с посланием Пушкина «К другу стихотворцу» 1814 года)...»¹⁰.

Наблюдения эти, верные в целом, требуют, однако, развития и уточнений в некоторых, впрочем существенных деталях.

Прежде всего, центральный мотив послания не является собственной эстетической программой юного Дельвига. «Послание к А. Д. Илличевскому» — вариация II сатиры Буало «К Мольеру» (A Molière, 1664), может быть, воспринятой через русские подражания. Некоторые стихи ее производят впечатление парафразы стихов II сатиры С. Н. Марина (обращенной к И. И. Дмитриеву и являющейся более близким переложением того же оригинала). Ср. у Марина:

Как можешь без труда приятно так писать...

У Дельвига:

Как можешь ты писать столь плавно и приятно...

Или:

Читай твои стихи, всяк должен согласиться,
Что рифма под перо сама собой ложится...

У Дельвига:

Как рифма под перо сама к тебе идет...

Сатира Марина, опубликованная в 1808 году, была широко известна.

Опуская перипетии сатирического сюжета Буало, молодой поэт сосредоточивается на описании своих мучений над стихом. Здесь он следует оригиналу довольно близко, но в одном месте распространяет его, вводя отсутствующую у Буало сцену:

А иногда в саду под ивою сижу
И на гору Парнас, зеваючи, гляжу.
Настрою лиру лишь и напишу «баллада»,
Взбренчу — струна вдруг хлоп — сбиваюсь я с лада,
«О лира злобная!» — с досадой я кричу
И с Пинда лбом на низ без памяти лечу.

Может быть, в мотиве падения с Парнаса слышится отдаленный отзвук стихов из сатиры IX (К уму своему, 1667); стихи эти обычно опускались в русских переводах:

Qui vous a pu souffler une si folle audace?
Phoebus a-t-il pour vous aplani le Parnasse?
Et ne savez-vous pas que, sur ce mont sacré,
Qui ne vole à sommet, tombe au plus bas dégradé...

(«Кто мог внушить вам столь безумную дерзость? Разве Феб для вас устроил Парнас? И разве вы не знаете, что на этой священной горе тот, кто не взлетает на вершину, падает на самую низкую ступень...».)

Лишь отдаленное соответствие у Буало находит и другой фрагмент послания Дельвига, где перечисляются «образцовые поэты»:

Почто я не могу быть равен с тем поэтом,
За масленицу кто одобрен целым светом,
Иль тем, кто в мир рожден, чтоб лирой нас пленять
И музую своей, как куколкой, играть,
Иль тем, Полорда кто приятно так представил,
Или Пожарского кто прозою прославил,
Кто Изяслава нам приятно так воспел,
Сердца Силистрией, Москвою нам согрел;
Кто о Европе на <м> <в> журнале возвещает
Иль в роще Марьиной кто сильно так рыдает,
Иль тем, кто так весну нам красно описал,
Иль <...> на свете нам кто с мудрецом певал,
Иль тем, чей Алманзор, чьи Алпы и чья белка,
Теласко чей велик, как крепкий дуб иль елка,
Нет, не могу никак быть с ними наряду¹².

Эти строки окрашены легкой иронической интонацией. Ирония создается либо преувеличенностью похвалы

(«За масленицу кто прославлен целым светом»), либо контрастными сочетаниями («Алманзора» и «белки»), либо, наконец, пародийными уподоблениями («дубу» и «елке»). Последние касаются двух осмеянных в лицейской эпиграмме и рецензии сочинений Кюхельбекера — «Теласко» и «Алманзора». Здесь ирония переходит в прямую насмешку. Важно заметить при этом, что ироническая интонация распространяется и на собственные сочинения автора послания, что будет характерно в дальнейшем почти для всех лицейских самооценок Дельвига.

Это-то произведение, как нам представляется, и послужило стимулом для появления пушкинского послания.

4

Как мы помним, уже Я. К. Грот решительно отверг возможность адресации пушкинского послания Дельвигу, указав на высокую оценку Пушкиным поэтической деятельности своего друга. Это вероятно, если, во-первых, исходить из истории их взаимоотношений в целом и, во-вторых, понимать послание буквально, как желание лицеиста Пушкина отговорить своего друга от поэтической деятельности. Но ранние внутрлицейские взаимоотношения поэтов нам известны мало; что же касается содержания послания, то и автор, и адресат подобных сатир всегда учитывали меру их условности, их «правила игры». Послание Дельвига не было просьбой к Илличевскому научить его писать стихи; равным образом и послание «К другу стихотворцу» не являлось частной дружеской рекомендацией, но традиционным «сатирическим» изображением бедственной судьбы поэта. Поэтому в принципе Дельвиг мог быть его адресатом.

То же обстоятельство, что Дельвиг обратил свое послание к Илличевскому как к лицейскому поэтическому «мэтру», должно было вызвать у Пушкина протест, — и, кажется, тому есть косвенные подтверждения.

В 1834 году, через три года после безвременной кончины Дельвига, Пушкин стал набрасывать свои воспоминания о друге, — и коснулся истории печатных дебютов лицейстов в «Вестнике Европы» В. В. Измайлова. Нам нужно вспомнить теперь их хронологию, которая в данном случае небезразлична. В № 8 (18 апреля) по-

мещена цитированная нами заметка «От издателя» с просьбой сообщить имена и адреса сочинителя «К другу стихотворцу» и других произведений, присланных без имени; в № 12 появляется «На взятие Парижа» Дельвига с подписью «Русский», в № 13 (3 июля) — послание «К другу стихотворцу», в № 15 — «К Диону» Дельвига с подписью «Д», которая будет стоять и под всеми остальными его публикациями в «Вестнике Европы» 1814 года; № 19 содержит «Цефиза» Илличевского с подписью «йший» (тоже сохраненную и в дальнейшем). В № 21 «К поэту-математику» Дельвига и «Ирин», второй перевод Илличевского из Клейста. В № 22 — эпиграмма Дельвига на Кюхельбекера («Поэт надутый Клит»), его же «Дафна» («Первая встреча»), «К Лилете» и «Старик» («Хлоя») и несколько эпиграмм Илличевского.

В воспоминаниях о Дельвиге Пушкин сообщал, что первые опыты его, посланные им в журнал, «привлекли внимание одного знатока (в черновом варианте: «двух или трех знатоков». — В. В.), который, видя произведения нового, неизвестного пера, уже носившие на себе печать опыта и зрелости, ломал себе голову, стараясь угадать тайну анонима». Видимо, речь идет как раз о заметке Измайлова в «Вестнике Европы», где требование о раскрытии анонима было адресовано прежде всего Пушкину, но касалось и других. Стихи лицейстов были скорее всего посланы одновременно и уже потом распределялись по книжкам журнала самим издателем; по крайней мере это относится к тем стихам, которые вышли первыми после объявления, в номерах 12—15 (далее наступил перерыв). В их числе была и «ода к Диону», которую Пушкин упомянул как произведение зрелого мастера, наряду с «одой... к Лилете», напечатанной в ноябре.

Эти «опресноки столь прекрасного таланта», как вспоминал Пушкин, остались незамеченными публикой, «между тем как стихи одного из ... товарищей» Дельвига, «стихи посредственные, заметные только по некоторой легкости и чистоте мелочной отделки, в то же время (в черновом варианте: «доставленные в то же время». — В. В.) были расхвалены и прославлены как чудо!»¹³. Речь шла о стихах Илличевского, в числе которых были самые крупные в его лицейском творчестве — переводы из Э. фон Клейста «Цефиз» и «Ирин».

Соотношение поэтических величин: «Дельвиг — Илличевский» сохранялось в сознании Пушкина через двадцать лет после того, как уже перестало быть актуальным. Есть основания думать, что оно возникло уже на ранних этапах их литературного общения и что послание Дельвига к Илличевскому не осталось незамеченным Пушкиным. Но тогда самая близость этого последнего и пушкинского «К другу стихотворцу» перестает быть случайной.

«Послание к А. Д. Илличевскому» и «К другу стихотворцу» — единственные в известном нам наследии лицейских поэтов послания, варьирующие сатиры Буало.

Связь с Буало пушкинского послания была проанализирована в 1916 году Б. В. Томашевским. Пушкин обошелся со своим первоисточником свободнее, чем Дельвиг; он воспользовался мотивами нескольких сатир, уже превратившимися в общие места полемической литературы. Ближе всего он подходит к IX сатире, черпая из нее аргументы, долженствующие отвлечь от поэзии ее новоявленного адепта. Начало послания («Арист! и ты в толпе служителей Парнаса! Ты хочешь оседлать упрямого Пегаса») может быть понято как ответ на обращение Дельвига к Илличевскому. Следующие строки («Забудь ручьи, леса, унылые могилы, В холодных песенках любовью не пылай»), как мы помним, являлись одним из аргументов в пользу адресации послания Кюхельбекеру, который готов «заморозить» свои «песенки», написанные гекзаметром. Однако это одно из «общих мест», даже и для Буало. Томашевский приводил соответствующие строки из «Поэтического искусства» («ses feux, toujours froide et glacée») из той же IX сатиры. Любопытно, впрочем, употребление этого выражения в пародийной автохарактеристике Дельвига 1815 года «К Т-ву»:

Простился я с мечтою,
В груди простыла кровь,
А все еще струною
Бренчу кой-как любовь —
И в песнях дышит холод,
В элегиях бомбаст;
Сатиров громкий хохот
Моя на Пинде часть.

Нет ли здесь реминисценции из Пушкина?

«Ручьи, леса, унылые могилы» — все это не обязательно должно было находить прямое соответствие в

конкретных стихах адресата, более того, такие соответствия превращали бы послание-сатиру в памфлет, что, конечно, не входило в намерения Пушкина. Общая же тональность некоторых из дошедших до нас ранних стихов Дельвига этой общей характеристике не противоречит. Ср. в романсе «К голубку» (1813):

Здесь тихо все, здесь все живет в печали:
И рощица, голубчик, где ты жил,
И ручеек, где чисту воду пил, —
Печальны все, что радость нам являли...¹⁴
и т. д.

Однако самая существенная реминисценция находится в восьмом стихе пушкинского послания:

Чтоб не слететь с горы, скорее вниз ступай!

В автографе вариант:

Покамест не слетел, скорей сойди с горы.

Эта строка, в особенности в варианте автографа, «непонятна». При некотором читательском усилии можно понять, что «гора» — Парнас и что речь идет о поэтическом падении, как в IX сатире Буало (кто не взлетает на Парнас, тот падает на низшую ступень). При всем том строка немотивирована, и это почувствовал Пушкин, придав ей большую завершенность в печатной редакции. Эта немотивированность — результат связи ее с речевой ситуацией послания к Илличевскому:

И с Пинда лбом на низ без памяти лечу.

Добавим к этому, что глагол «слететь», «лететь» в значении «стремительно падать с высоты», «сваливаться», в отношении к лицу имеющий просторечный оттенок, Пушкин употребил еще лишь однажды — в «Домике в Коломне» («С паперти долой Чуть-чуть моя старушка не слетела») ¹⁵. Варьируя этот мотив в послании «К Жуковскому» (1816), он скажет:

Страшусь, неопытный, бесславного паденья...

Эти сопоставления поддерживают предположение, что в послании «К другу стихотворцу» перед нами едва ли не сознательное использование «чужого слова», прямая отсылка к исходному тексту, удерживающая его пародийное звучание.

Следующие строки — уже известный нам фрагмент о Кюхельбекере — корреспондируют с насмешкой Дельви-

га над «Альманзором», «Теласко» и неизвестной нам «белкой» (по-видимому, басней), чьи поэтические достоинства подобны «крепкому дубу иль елке». К этому времени, вероятно, относится литературная ссора Дельвига с Кюхельбекером, нашедшая отражение в эпиграмме «Поэт надутый Клит», как уже указывалось, в 1814 году попавшей в печать. Пушкин, написавший уже к этому времени «Несчастье Клита» («Внук Тредьяковского Клит гекзаметром песенки пишет...») и, возможно, уже составивший сборник «Жертва Мому», обращался, таким образом, к единомышленнику.

Последующие фрагменты посланий обнаруживают и другие точки соприкосновения, но все они более или менее проблематичны, так как относятся к «общим местам» сатир Буало или лицейской поэзии. «...Не тот поэт, кто рифмы плесть умеет» можно было бы читать как прямой ответ на дельвиговскую строчку («...научи меня, как рифму к рифме шить»), но вместе с тем это один из наиболее ходовых мотивов литературных сатир. Пушкинское «Хорошие стихи не так легко писать, Как Витгенштейну французов побеждать» переключается со строкой из самой ранней песни Дельвига «Как пронесся слух по Петрополю» (1812), где молодой воин отправляется служить «под знаменами Витгенштейна», но это также не обязательная ассоциация: имя Витгенштейна как защитника столицы было особенно популярно среди лицестов. Более плодотворными могли бы оказаться поиски реплик на послание в стихах самого Дельвига, но и здесь картина затемняется типовым характером мотивов. Отметим, однако, что Дельвиг в лицейские годы особенно охотно разрабатывает ту тему, которая намечена в концовке пушкинского послания:

Счастлив, кто, ко стихам не чувствуя охоты,
Проводит тихой век без горя и заботы,
Своими одами журналы не тягит
И над экспромтами недели не сидит.

Эта тема восходит также к Буало ¹⁶, в частности к его II сатире, которую перелагали и Дельвиг, и Марин:

Без ремесла сего — я б жизнью наслаждался,
Ни зависти людей, ни злости не боялся,
Смеялся, пил и ел, и веселился б я,
Как, взяток нахватав, безграмотный судья.
Ночь спал бы хорошо, день встретил без работы,
И сердце бы мое без страсти, без заботы
Умело б положить для гордости конец ¹⁷.

В пародийном «Подражании 1-му псалму» Дельвига (1814—1817) появляется, однако, тема «журнальной поэзии», присутствующая только у Пушкина:

Блажен, о юноша! кто, подражая мне,
Не любит рассылать себя по всем журналам...

И далее вводится фигура «Свистова» — след «арзамасских» сатир. «Свистов», «Графов» — граф Хвостов (как «Графов» он упомянут в послании Пушкина):

Когда неистовый влетит к нему Свистов,
Он часто по делам из комнаты выходит;
Ему ж нет времени писать дурных стихов,
Когда за книгой день, с супругой ночь проводит¹⁸.

Здесь намеченная Пушкиным вслед за Буало коллизия разрешается гораццианским идеалом «безвестного поэта», возделывающего «наследственное поле». Дельвиг не напрасно изучал Горация, которым скорректировал Буало.

5

Мы говорили уже, что обобщающий характер сатиры «К другу стихотворцу» позволял юному Пушкину адресовать ее не только действительному другу, но и литературному единомышленнику. Теперь мы можем добавить к этому дополнительные соображения. Подобного рода сатира-послание могла быть адресована только другу-единомышленнику, ощущавшему меру условности обсуждаемых проблем и не принимавшему их за личный выпад. Пушкин мог в сатире советовать Дельвигу оставить поэтическое поприще, потому что в повседневной жизни он считал бы такой совет нелепостью, — и Дельвигу это было отлично известно. Иное дело — Кюхельбекер. При всех насмешках над ним никто не оспаривал всерьез его права на поэтическое творчество, но на фоне этих насмешек печатные советы, содержащиеся в послании, могли быть восприняты как памфлет.

Что касается Дельвига, то обратиться к нему послание-сатиру подобного рода давал основание и самый текст, на который, как мы предполагаем, она была ориентирована, — текст, зависящий от Буало и провоцировавший на ответ в духе Буало, текст, пронизанный автоиронией и иронически трактующий и другую лицей-

скую поэтическую продукцию. Иронией, кстати сказать, тронуты почти все поэтические автооценки Дельвига — поэта лицейского времени; к тому, о чем уже говорилось, можно добавить и автоэпиграммы «Переводчику Диона», «Надпись к моему портрету» и уже послелицейское «Утешение бедного поэта». С другой стороны, в уста «друга стихотворца» вложены формулы, которые Пушкин затем отнесет к себе самому. Ср.:

И знай, мой жребий пал, я лиру избираю.

В послании «К Жуковскому»:

Мне жребий вынул Феб, и лира мой удел.

Нам осталось теперь проверить, нет ли следов послания «К другу стихотворцу» в том списке сочинений для несостоявшегося первого сборника стихотворений, который был записан Пушкиным на обороте листа «Пирующих студентов».

Наряду с двумя посланиями Кюхельбекеру здесь значатся и два послания «Дельвигу».

Одно из них — несомненно «К Дельвигу» («Послушай, муз невинных...», 1815). Второе, по расшифровке М. А. Цявловского, — «Стихотворение, до нас не дошедшее или, вероятнее, лишь предполагавшееся»¹⁹. Б. В. Томашевский предполагал, что это послание «К Дельвигу» («Блажен, кто с юных лет увидел пред собою...»), которое датируется «или концом 1816, или началом 1817 г.»²⁰. Однако «конец 1816 г.» — предположительная дата первой редакции. Сам Пушкин датировал эти стихи 1817 годом.

В Академическом издании верхняя граница их датировки — апрель 1817 года, так как они не содержат «прощальных» мотивов, характерных для стихов, написанных перед выпуском.

Но если эти стихи написаны, допустим, в апреле, то хронологические границы списка должны быть расширены и, стало быть, возможно отождествить с некоторыми обозначениями и «прощальные» стихи. К такому справедливому выводу пришла Н. Н. Петрунина, предлагая изменить датировку списка²¹. Однако тогда возникают новые вопросы: остается целый ряд важных стихотворений 1817 года, не введенных Пушкиным в список. Здесь нет возможности подробно разбирать этот вопрос (мы придерживаемся традиционной даты: «1816—начало 1817 года»); нам важно отметить лишь, что по-

слание «К другу стихотворцу», по нашему мнению, могло фигурировать в нем под названием «К Дельвигу». Такая расшифровка возвращает нас к первоначально установленной дате списка и объясняет заодно, отсутствие в нем среди посланий печатного дебюта Пушкина. Впрочем, это лишь гипотеза, как и все построение, предлагаемое ныне вниманию читателя.

Впервые: Русская литература. 1992. № 4. Для настоящего издания переработано.

- ¹ Вестник Европы. 1814. № 8. С. 324; ср.: Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 73.
- ² Бартев П. И. О Пушкине. М., 1992. С. 80.
- ³ Грот Я. К. Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд., доп. СПб., 1899. С. 11.
- ⁴ Пушкин. Сочинения, издания имп. Академии наук/Приготовил и примечаниями снабдил Леонид Майков. СПб., 1900. Т. 1. С. 31 (2-я pag.).
- ⁵ См. прим. Ю. Г. Оксмана к «Плану первого неосуществленного издания стихотворений»: «Некоторые из произведений, отмеченные в этом списке, до нас не дошли («Бонопарте», «Ринальдо»); посланиями «Трубецкому» и «Кюхельбекеру» следует считать «Городок» и „К другу стихотворцу...“». (В кн.: Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 6 т. М.; Л., 1933. Т. 5. Кн. II. С. 734—735.)
- ⁶ Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956. Кн. I. С. 49, 72.
- ⁷ ПД, ф. 244, оп. 27, № 54.
- ⁸ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1991. С. 70. Последняя по времени попытка обосновать адресацию послания Пушкина Кюхельбекеру принадлежит Р. Г. Назарьяну (см.: Назарьян Р. Г. Вильгельм Кюхельбекер как адресат послания Пушкина «К другу стихотворцу» и автор оды «На взятие Парижа». Опыт гипотетического исследования//Временник Пушкинской комиссии: Сборник научных трудов. Вып. 25. СПб., 1993. С. 93—106). Автор склонен трактовать послание Пушкина буквально, как стремление отградить адресата от поэтического творчества, что кажется нам принципиально неверным; эта общая установка подчиняет себе всю частную аргументацию исследователя. Неубедительна и его попытка переприписывать Кюхельбекеру оду Дельвига «На взятие Парижа»; Р. Г. Назарьян не принимает во внимание, что В. П. Гаевский, собирав корпус стихов Дельвига, опирался на свидетельства лицейстов I выпуска (М. Л. Яковлева и др.) и его статьи, при всех их возможных неточностях, имеют значение первоисточника.
- ⁹ Грот К. Я. Пушкинский лицей: (1811—1817): Бумаги I-го курса, собранные академиком Я. К. Гротом. СПб., 1911. С. 253, 263—264, 471.
- ¹⁰ Терехина Р. Е. Поступления в лицейское собрание Пушкинского фонда: Листок из «Лицейской антологии, собранной трудами пресловутого —ийший», новые автографы А. А. Дельвига//Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1972. Т. XXXI. Вып. 2. Март — апрель. С. 183—184.
- ¹¹ Oeuvres complètes de Boileau Despreaus... Paris.: 1835. P. 202.

¹² Дельвиг А. А. Соч. Л., 1986. С. 94—95.

¹³ Пушкин. Т. 11. С. 274, 519.

¹⁴ Дельвиг А. А. Соч. С. 85, 98.

¹⁵ Словарь языка Пушкина. М., 1961. Т. IV: С—Я. С. 182—183; 1957. Т. II: З—Н. С. 474—475.

¹⁶ Томашевский Б. В. Пушкин и Буало//Пушкин в мировой литературе. [Л.], 1926. С. 25.

¹⁷ Поэты-сатирики XVIII — начала XIX века. Л., 1959. С. 191—192.

¹⁸ Дельвиг А. А. Соч. С. 107.

¹⁹ Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты. М.; Л., 1935. С. 227.

²⁰ Томашевский Б. В. Пушкин. Кн. I. С. 115.

²¹ Петрунина Н. Н. Из истории первого собрания стихотворений Пушкина//Русская литература. 1990. № 3. С. 140—141.

«Князь, наперсник Муз» в пушкинском «Городке»

Если мы предложим любителям пушкинской поэзии назвать три самые известные лицейские стихотворения Пушкина, можно не сомневаться, что одним из них будет «Городок» (1814—1815). Это послание, легкое и живое, замечательно не только своими поэтическими достоинствами. Оно — своеобразный документ, позволяющий войти в круг чтения юного Пушкина и судить о его литературных пристрастиях в возрасте пятнадцати — шестнадцати лет; и потому «Городок» постоянно цитируют, когда заходит речь о становлении Пушкина-поэта и Пушкина-читателя.

«Городок» был написан под впечатлением знаменитого послания К. Н. Батюшкова «Мои пенаты», где старший поэт давал мгновенные портреты-характеристики своих учителей в поэтическом искусстве — живых и мертвых. То же по следам Батюшкова делает и Пушкин. Он называет Вольтера, Мольера, Лагарпа, Лафонтена, Расина; античных классиков — Гомера, Вергилия, Горация; русских поэтов и драматургов, уже ставших классиками, — Озерова, Фонвизина, Княжнина и здравствовавших еще Державина, Карамзина и Дмитриева. Но далее поименное перечисление оканчивается.

Оканчивается оно там, где Пушкин заводит речь о потаенной сафьянной тетради, куда переписаны сочинения, «презревшие печать».

Потаенные сочинения требовали и утаенных имен.